

Евгений Пермяк

КОРОЛЕВА БУЛЬ-БУЛЬ

Иллюстрации Марины Белоусовой

#эксмодемство

Москва
2019

Первая улыбка

В стране, названия которой уже никто не помнит, жил удивительный чеканщик ваз. Если, чеканя вазу, он был весел, то она веселила всякого, кто её видел. И наоборот — когда мастер грустил, его творение порождало печаль и раздумия. Он прославил свою страну множеством ваз, будивших в людях самые различные чувства: радость, смех, раскаяние, бесстрашие, скорбь, прощение, примирение... Но среди сотен его творений не появилось главного — вазы Любви. Потому что любовь ещё не расцвела в душе молодого

чеканщика, хотя молва, опережающая события, уже называла одну прекрасную девушку...

Однако не будем подражать молве и предрекать несвершившееся. Пусть молва сильна и непреклонна, подобна ветру, но между тем паруса жизни, как, впрочем, и сказки, нередко подвластны иным силам.

В этой же стране жил горшечник. Он не выделялся среди других гончаров своим ремеслом, но его дочь была так хороша собой, что о ней знали даже звёзды.

Глаза дочери горшечника были синее моря и неба. Её зубы нельзя было и сравнить с жемчугом, который всего лишь подражал зубам красавицы. А где и когда подражание превосходило то, чему оно подражает!

Тончайшее шёлковое волокно казалось тростником в сравнении с золотисто-солнечными волосами красавицы. Змеи цепенели от зависти при виде грациозности движений её рук. Ручей, нежно журчавший серебряными стихами, умолкал, как только она начинала говорить. Розы стыдливо переставали

благоухать, когда она приближалась к ним, и её дыхание наполняло пространство ароматами, каких не знало ни одно растение, потому что она была самым прекрасным цветком земли. Впрочем, и это сравнение, как и всё, что было сказано о ней, не стоит даже одной из ста граней вазы Признания, которой чеканщик воспел красоту дочери горшечника.

И это признание было так возвыщено и так пламенно, что всякий, любуясь новой вазой, восторгался и той, чью красоту она прославляла в невиданном доселе изыске чеканки.

Когда дочь горшечника любовалась вазой Признания, её сердце зажигалось нежно-голубым пламенем и девушка, светясь изнутри, становилась ещё прекраснее.

И однажды она улыбнулась чеканщику. Это была первая улыбка девушки. Солнечная. Счастливая. Стыдливая. Чарующая, как весенняя заря... Да разве можно найти сравнение несравнимому!

Эта первая улыбка запечатлелась на всю жизнь в сердце чеканщика

и сделала это сердце ещё больше, ещё добрее и пламеннее.

У вазы Признания собирались толпы. Любоваться ею приходили люди из разных городов и стран. Это были мастера, земледельцы, охотники, купцы, любители редкостей, просто зеваки, но были среди них и обладатели несметных сокровищ, повелители огромных стран. И чем больше восхищала их ваза Признания, тем жарче воспламенялись их сердца.

Чеканщику ваз и в голову не приходило, что среди них окажутся те, чья сила и чьё богатство могут омрачить светлые чувства мастера.

Он, разумеется, не верил этому, но старики, видавшие на своём веку всякое, советовали чеканщику расплещь молотом свою вазу и погасить этим пылание незваных сердец. Старики очень боялись, что почести, внимание, богатства, которыми окружалась дочь горшечника, могут разлучить мастера с его возлюбленной. Старики, да и все жители этой страны знали, как иногда девушки забывают о своей первой улыбке.

И теперь многие и очень многие властелины и повелители добивались внимания прекрасной дочери горшечника.

Они устраивали невиданные пиры... Усыпали путь красавицы драгоценностями... Показывали ей изображения своих дворцов... Манили её сказочным великолепием палат, в которых она может жить... Обещали ей троны.

Она могла стать царицей бескрайних степей или наместницей богини гор... Ей предлагали называться владычицей моря...

В этой маленькой, забытой ныне стране в те дни творилось неслыханное. Люди почти не спали, а те, кому удавалось уснуть, тотчас же просыпались, потому что им снились страшные сны. Сны, в которых они видели, как дочь горшечника согласилась стать женой кого-то другого, а не любимого всеми чеканщика. Какие вазы вычекают чудесный мастер, если она улыбнётся другому?

— Это будут вазы Слёз, — говорили одни, — и народ будет рыдать.